

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ-ГЕОПОЛИТИКИ О БУДУЩЕМ РОССИИ

(конец XIX - начало XX в.)

RUSSIAN STATE ARCHIVE OF
SOCIOPOLITICAL HISTORY
(RGASPI)

A. Repnikov

The article considers reviews ideas of some conservative thinkers on Russian foreign policy in the Far East at the end XIX-th beginning of the XX-th century.

Keywords: Russian Empire, Conservatism, imperial idea, geopolitics, external political activity, Far East, China, Japan.

Репников Александр Витальевич
доктор исторических наук,
Российский государственный архив
социально-политической истории

Аннотация:

В статье рассматриваются геополитические взгляды русских консерваторов на проблемы внешней политики России конца XIX – начала XX вв. Основное внимание уделяется анализу перспектив отношений с восточными государствами (Китай, Япония).

Ключевые слова:

Российская империя, консерватизм, имперская идея, геополитика, внешнеполитическая деятельность, Дальний Восток, Китай, Япония.

Долгое время тема внешнеполитических взглядов русских консерваторов оставалась на периферии исследовательского внимания, а труды таких мыслителей, как С.Н. Сыромятников, Э.Э. Ухтомский, Ю.С. Карцев (Карцов), И.И. Дусинский и др., были забыты.

Ситуация стала меняться в последнее десятилетие. Вкладом в разработку темы стала кандидатская диссертация В.Ю. Белянкиной "Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.)" [1]. В трех главах работы рассмотрены проблемы русско-английских, русско-германских, русско-французских, русско-китайских, русско-японских и русско-персидских отношений с точки зрения русских правых; уделено внимание Восточному вопросу. Главы о внешнеполитических взглядах монархистов есть в монографиях И.В. Омельянука [14, с. 480–521] и А.В. Репникова [16, с. 223–273]. В 2004 г. вышла книга Б.Д. Сыромятникова о двоюродном деде автора, публицисте, востоковеде и путешественнике С.Н. Сыромятнике [21]. В 2011 г. в журнале "Родина" опубликована статья А.В. Репникова и К.А. Соловьева о С.Н. Сыромятнике [18, с. 115–120].

Наибольший интерес в плане оценок консерваторами будущего России вызывают их взгляды на так называемую "желтую опасность" и "пробуждающийся Восток". Эта тема затрагивалась в работах Р. Уортмана и Д. Схимальпенника [29, 20]. Отдельные вопросы рассматривались в исследовании китайского историка Сунь Чжинцина [19]. Внешнеполитические взгляды Л.А. Тихомирова проанализированы в статьях О.А. Милевского [12, 13], а позиция К.Н. Леонтьева по этому вопросу представлена в статье С.В. Хатунцева [32].

Предпринятая автором этих строк попытка заинтересовать ряд издательств публикацией работ русских консерваторов-геополитиков не принесла позитивных результатов. От публикации не переиздававшихся более 100 лет статей Л.А. Тихомирова о Китае отказался журнал "Москва", и эти статьи вошли в качестве приложения в новую книгу О.А. Милевского и А.В. Репникова "Две жизни Льва Тихомирова" [17, с. 514–530]. В 2007 г. В Москве было осуществлено репринтное издание двух из трех томов труда Ухтомского "Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891", однако высокая цена делает его недоступным для историков.

При анализе внешнеполитических прогнозов представляют интерес работы князя Ухтомского. В 1886–1890 гг. он несколько раз был командирован в Сибирь и Среднюю Азию. В ходе поездок демонстрировал религиозную терпимость к неправославным народам Российской империи, их традициям и обычаям. Описания поездок были опубликованы в "Русском вестнике" и других периодических изданиях. Князь, считавшийся знатоком Востока, в 1890–1891 гг. сопровождал цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) в путешествии на Восток, о чем оставил иллюстрированный многотомный отчет.

Это издание сначала вышло на русском, а потом было переведено и на другие языки. Учитывая, что Николай "лично подверг цензуре это издание" [29, с. 441], можно говорить о том, что это был не просто "парадный" текст. Ухтомский обращал внимание на хищническое отношение европейцев (особенно британцев) к Азии, противопо-

ставляя этому русскую отзывчивость, которая вызывает симпатию. Вместе с тем, он не идеализировал Восток (в частности, Китай), хотя и считал его ближе к России в геополитическом и духовном смысле. Ухтомский стал одним из критиков идеи "желтой опасности" в консервативном лагере, где об этой проблеме говорили уже давно. О ней, в частности, предупреждал К.Н. Леонтьев. В беседе с дипломатом и литератором А.Н. Цертелевым в начале 1870-х годов он обмолвился: "Православных-то скоро и русских подданных ни единого не останется..."

– Что же – не китайцы ли уничтожат нас? – спросил насмешливо князь...

Хотя бы и китайцы [Далее в тексте шло продолжение этой фразы, зачеркнутое Леонтьевым: "...через века три"], – отвечал я.

– Гоги и Магоги, – тотчас же нашелся князь, и все рассмеялись. –

Но я нахожу, что и в этой ничтожной полушутке о китайцах была бездна ума; она доказывала, что он, вероятно, и сам о такой возможности думал..." [6, с. 463. 470]. В июне 1891 года Леонтьев писал В.В. Розанову: "Вообще же полагаю, что китайцы назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога – такой России. "Гоги и магоги" – finis mundi (конец мира – А.Р.)! После этого что еще останется? Без новых диких племен или без способных к пробуждению, что возможно?" [7, с. 181]. Образ Гог и Магог уже появлялся у Леонтьева в рассказе "Сутки в ауле Биюк-Дортэ", где один из героев "за стаканом чая, толкуя о... восточных племенах, сообщил, ... между прочим, что у донцов есть поверье, будто когда китаец поднимается, тогда уж никто не устоит против него, что Гоги и Магоги Апокалипсиса именно и есть китайцы.

"Восток, – сказал он сам себе, – призван освежать; вспомним средневековые нашествия" и т.д." [11, с. 235].

Китай, "презирающий европейцев", обратил на себя внимание и Ухтомского, посвятившего одну из брошюр обоснованию мысли, что Россия не должна была входить в антикитайский блок. Критикуя действия европейских колонизаторов, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада: "Мы с детства привыкаем относиться к Китаю и Японии как к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа" [31, с. 74]. Следовательно, "при глубоком, почти коренном различии национального психофизического облика, японец и простого звания русский все как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам" [31, с. 82–83]. Именно поэтому русские всегда смогут

найти с азиатами общий язык, даже если приходится с ними сражаться –

князь подчеркивал, что русская экспансия в Азию коренным образом отличается от европейской, а естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем нельзя называть "политическими захватами". Запад, который "оформил" русский дух, "тускло и слабо" отражается на поверхности нашей жизни, под которой в недрах национального бытия все пронизано мировосприятием Востока. Европейец же, отравленный материализмом, не может понять дух Востока и проявляет чуждость к его традициям. Отмечу, что Э.Э. Ухтомский также был одним из критиков раздувания идеи "желтой опасности" в консервативном лагере, обратив внимание, что подобные суждения "не встречали решительной отповеди ни от кого, кроме С.Н. Сыромятникова...", с полным знанием дела разъяснявшего, почему такие взгляды не соответствуют действительности... Никакого панмонголизма, никакой "Азии для азиатов", никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, и нет, и быть не может" [30, с. 6].

Карцов тоже полагал, что от противостояния России и Азии выигрывает Европа, предостерегая Великого князя Александра Михайловича: "Война с Японией несчастье и гибель России... Победа ничего нам не принесет, ибо вырвут ее и присвоят себе покровительствующие Японии морские державы, Америка и Англия, тогда как поражение разорит Россию и внутри империи вызовет смуту. Подобно мексиканской экспедиции императора Наполеона III, предшествовавшей войне с Германией, война с Японией только прелюдия последующей войны, более обширной, в предвидении которой не расточать и не разбрасывать нам следует силы, а беречь их и сосредоточивать" [9, л. 98].

Объединиться с Востоком в процессе противостояния Западу предлагал Сыромятников. Он утверждал, что арабы, персы и китайцы ближе к русским, потому что "не загнушили в себе Бога и, несмотря на дикость свою и некультурность, не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами" [22, с. 29]. Вместе с тем, Сыромятников не идеализировал Восток, написав в статье "Ex Oriente Nox" от 12 марта 1895 года: "Я позволяю себе просить русское общество, русских писа-

телей, русских журналистов обратить внимание на то, что творится теперь на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом. Не только к борьбе за приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развитие и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков" [20, с. 341]. По мнению Сыромятникова, Россия должна прагматично относиться к Западу и к Востоку.

Ухтомский был уверен, что "в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря" [31, с. 84]. Россия должна "стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения..." [31, 85]. Ему вторил Карцов, считавший, что "возникновение государства Российского явилось не извне, а образовалось оно в центре и путем самобытным. Не от окраины к центру совершалось его развитие, а наоборот, от центра к периферии... Отсюда стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем" [8, с. 15]. Дусинский тоже полагал, что в начале XX в. "русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным, и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого урода. Территориальное развитие русского государства, несмотря на всю его значительность, не может и не должно еще считаться законченным – таков первый факт, обуславливающий характер нашей внешней политики" [5, с. 41–42].

России предстоит стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком и третейским судьей в споре между Азией и Европой. Ухтомский полагал, что этот спор ей придется решать в пользу Азии, потому что не может быть иного решения для судьбы, который чувствует себя "братом обиженного". В противном случае "Европа сама по себе нас, в конце концов, подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники... Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родною стариной: Самодержавием. Без него Азия не способна искренно полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчленивать и осилить нас, как это ей удалось относительно... западных славян" [31, с. 85. 86–87].

Правая пресса в своих статьях пугала картинами "восстания из мрака времен Чингисхана, желтые полчища которого грозною силою обрушатся на Европу и затопят своим желтым потоком белую расу" [1, с. 146]. Вызы-

вала опасения колонизация Дальнего Востока, в ходе которой "в Россию вместе с потоками желтых рабочих протягивались как бы щупальца спрута, готовые обвиться вокруг любого русского дела или государственного мероприятия" [1, с. 147]. В одной из книг про китайцев утверждалось, что, как "народ азиатский, он признает воздействие на себя только исключительно силою" [1, с. 148]. О необходимости не забывать про неоднозначность "пробуждающейся" Азии писал и Дусинский: "Там, на Дальнем Востоке и Юге, рождается новый мир-великан, носитель вековой культуры, полный скрытой энергии и накопленных тысячелетиями сил, мир трезвого ума и твердой воли, мир настойчивости, терпения и упорного, всепобеждающего труда... А на пути его лежит Святая Русь. Огненный вздох желтого Дракона уже обжег ее спящее лицо. А с далекого Юга на нее же глядят с ненавистью другие взоры... Там вьется в судорогах возрождения старый и грозный своим фанатизмом мир Ислама, властелин и поныне для многих славян. И он также не оставит нас в покое, как, впрочем, и мы не могли оставить в покое его. А на ближнем Западе притаился третий сосед (Германия – А.Р.), старый враг славянского племени..." [5, с. 70]. В схожем ключе писал и Леонтьев, отмечавший, что "мы, русские, с нашими серо-европейскими, дряблорбуждающими, подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг беспримерный на современном Западе, стоим теперь между этими двумя пробужденными азиатскими мирами, между свирепым-государственным исполином Китая и глубоко мистическим чудищем Индии, с одной стороны, а с другой – около все разрастающейся гидры коммунистического мятежа на Западе, несомненно, уже теперь "гниущем", но тем более заразительном и способном сокрушить еще многое предсмертными своими содроганиями" [10, с. 417–418].

Летом 1914 года в брошюре "Русский Монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 года" практически теми же словами описано "положение нашего отечества – центральное – между пробуждающимся полу-миллиардным, с одной стороны, населением Востока, стесненным на своей территории, а с другой – с сильными государствами Запада, тоже переполненными населением и нуждающимися в расширении своих границ" [15, с. 424].

Такая ситуация должна вынудить Россию "избрать одно из двух: или стать молотом настолько сильным, чтобы сковать Восток и Запад, или же, в качестве наковальни, став ареною постоянных кровавых событий, – отдать себя на растерзание, то есть утратить свою государственную цельность. Иного исхода нет: никакие дипломатические хитросплетения и увертки не в состоянии предотвратить событий, вытекающих из того побудительного требования, что "людям надо есть"" [15, с. 424].

Обращаясь к геополитическим задачам России, Тихомиров писал, что "государство должно... охватить естественными границами все пространства, которые дают нации возможность добывать достаточно разнообразные продукты и перерабатывать их. В тех государствах, для которых особенно важное значение имеет море и сношения с дальними странами, в государственную территорию должны быть включаемы иногда очень дальние клочки земли или острова, необходимые как опорные пункты для морских сношений. Все эти условия требуют не только естественности границ, но также их законченности" [25, с. 652]. Волновала его и Азия (в первую очередь, Китай [23, 24, 28]). Он активно поддержал миссионерскую деятельность православной церкви в Японии и лично поспособствовал ей, поддерживая длительную переписку с архиепископом Николаем Японским (в миру – И.Д. Касаткиным), оказывая ему различные услуги [26, 27].

Николай Японский в своих дневниках тепло упоминал о Тихомирове. В одном из писем Тихомиров выражал желание "завязать сношения с каким-либо православным японцем, знающим русский язык, и предложить ему "писать статьи о Японии в видах сближения православных обеих наций"" [3, с. 388]. Комментируя это письмо, о. Николай позитивно оценил интерес Тихомирова, которого характеризовал как "добраго друга" [4, с. 471] и отметил, что нужно "принести ему искреннейшую благодарность за участие к делу Японской Православной Миссии" [3, с. 388]. В результате последовал перевод брошюры Тихомирова "Христианские задачи России и Дальний Восток" на японский язык. Между Николаем Японским и Тихомировым завязалась переписка, а Лев Александрович оказал православной миссии поддержку, заслужив признательность о. Николая: "Спаси, Боже, Льва Александровича Тихомирова, при каждом случае заявляющего свое сочувствие Миссии и много этим помогающего ей!" [4, с. 699]. Тихомиров высказал мысль "основать в Москве Японское подворье", которую архиепископ Николай охарактеризовал, как "очень дельную", поскольку "подворье было бы родным домом для японских студентов, обучающихся в Академиях; а для русских оно было бы местом, где они могли бы знакомиться хоть несколько с японским христианством не по слуху, а на деле" [3, с. 753].

Задолго до этого Леонтьев тоже писал, что у присоединенных к России народов "охранительные начала крепче", и подчеркивал государственное значение не столько русификации, сколько религиозной проповеди, то есть миссионерской деятельности: "Не только русский верующий, но и японский прозелит должен желать блага Русскому государству, как наилучшей все-таки опоре Православия" [10, с. 343].

Вспоминая впоследствии о своих проектах, Тихомиров отмечал уже в 1916 году: "Роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далее

кое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна – упражнения по японскому языку, другая – вот эта самая – по китайскому. Уничтожить первую – не поднялась рука... Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью. Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! ... А ведь, сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование Императора Александра III... Я тогда еще более старался для Японии и японский язык почти изучил. Еще немного – и я стал бы уже читать по-японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая (т.е. Николая Японского – А.Р.), с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдется и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Все смело и уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попираание чужих прав привели к позору и разгрому России и к уничтожению всех надежд на Тихом Океане. После же того – пошли удары за ударами. Теперь мы изгнаны и из славянского мира, изгнаны и с Ближнего Востока... Что тут думать о Тихом Океане, когда и на Западе, и на Юге мы проиграли все свое значение, погубили все дела веков" [2, с. 272–273].

Исследователь Сунь Чжинцин отмечает, что противостояние противников и сторонников идеи "желтой опасности" связано с противостоянием либералов (начиная от В.С. Соловьева) и консерваторов. "Идея "особой миссии России на Востоке" была творчеством лишь русских антизападников, подобных Э. Ухтомскому и А. Суворину", которые "пропагандировали дружбу с Китаем" и "всячески подчеркивали преимущество русского варианта просвещения народов Востока перед западноевропейскими державами..." [19, с. 205]. При этом, Сунь Чжинцин не идеализирует сторонников "особой русской миссии на Востоке", считая, что они, "как и сторонники "желтой опасности", одинаково боялись пробуждения Китая", а их слова о "дружбе" и "союзе" с Китаем – прикрытие "русской экспансии" [19, с. 205].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в оценках внешнеполитических перспектив России консерваторы-геополитики уделяли большое внимание построению правильных отношений со странами Европы и Азии, надеясь, что Россия сможет занять свое особое место между Западом и Востоком, сохранив свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2005. – 215 с.
2. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост., автор вступ. ст. и комм. А.В. Репников. М., 2008. – 440 с.
3. Дневники св. Николая Японского. СПб., 2004. Т. 4. – 976 с.
4. Дневники св. Николая Японского. СПб., 2004. Т. 5. – 960 с.
5. Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. – 320 с.
6. Из воспоминаний К.Н. Леонтьева / Публ. О.Е. Майоровой // Лица: Биографический альманах. М.,–СПб. 1995. Т. 6. С. 453–472.
7. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. Т. 285. Кн. 1. № 5. С. 157–182.
8. Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908. – 47 с.
9. Карцов Ю.С. Хроника распада // Архив–музей Библиотека Фонда Русского зарубежья. Ф. 1. М–76 (1).
10. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. – 799 с.
11. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12–и томах. Произведения 1852–1861 годов. Из ранних произведений. СПб., 2000. Т. 1. – 688 с.
12. Милевский О.А. Из истории русско–китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Философия, история. 1999. Вып. 1. С. 55–57.
13. Милевский О.А. Российская дальневосточная политика конца XIX – начала XX вв. в геополитической проекции Л.А. Тихомирова // Проблемы национальной стратегии. М., 2010. № 4. С. 147–167.
14. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). К., 2006. – 744 с.
15. Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы / Сост., автор пред. и комм. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. – 720 с.
16. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. – 520 с.
17. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. – 560 с.
18. Репников А.В., Соловьев К.А. Общественный человек Сигма. "Прогрессивный националист" Сергей Сыромятников // Родина. 2011. № 10. С. 115–120.
19. Сунь Чжинцин Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX веков. М., 2005. – 224 с.
20. Схиммельпенник ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. – 421 с.
21. Сыромятников Б.Д. "Странные" путешествия и командировки "СИГМЫ" (1897...1916 годы): Историко–документальная повесть–расследование. СПб., 2004. – 127 с.
22. Сыромятников С.Н. (Сигма) Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. – 321 с.
23. Тихомиров Л.А. Вести о Китайском православии // Московские ведомости. 1904. № 181.
24. Тихомиров Л.А. Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. 1900. № 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249.
25. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010. – 752 с.
26. Тихомиров Л.А. Нужды проповедников Японской Миссии // Московские ведомости. 1903. № 180.
27. Тихомиров Л.А. Нужды Японской Миссии // Московские ведомости. 1909. № 223.
28. Тихомиров Л.А. Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053.
29. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. – 796 с.
30. Ухтомский Э.Э. Перед грозным будущим. К русско–японскому столкновению. СПб., 1904. – 28 с.
31. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. – 87 с.
32. Хатунцев С.В. Мотив "китайской угрозы" у К.Н. Леонтьева и "леонтьевские" мотивы в "Трех разговорах" В.С. Соловьева // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 224–237.

© А.В. Репников, (ОООО), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

